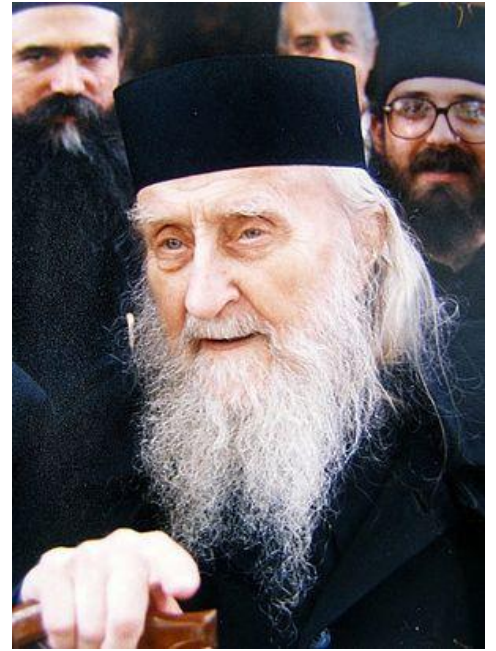

Об отношении к слову

Беседа иеромонаха Рафаила (Нойки) с братией и паломниками монастыря Святого Иоанна Предтечи в графстве Эссекс (Англия). В беседе о. Рафаил делится духовным опытом своего старца — архимандрита Софрония (Сахарова), много лет подвизавшегося на Святой Горе Афон в Греции, ученика преподобного Силуана Афонского.

Ежегодно в Великий Четверток отец Софроний (на фото справа) приглашал нас к себе, и мы вслух читали Евангелие. Первый отрывок из Евангелия от Иоанна он всегда читал сам, прося нас поправлять его ошибки. Так продолжалось вплоть до последних двух лет его жизни, когда он был уже просто не в силах читать. Читал он медленно и ровно, понимая и чувствуя каждое слово, хотя английский язык он знал далеко не так хорошо, как другие иностранные языки. Ведь он начал изучать его, когда ему было уже под семьдесят. До приезда в Англию он его совсем не знал. У него не было зубов, и потому можно было заметить, что его произношение не всегда верное, хотя все буквы и слова он выговаривал как следует. Он нам говорил, что над произношением он работал особым образом, так чтобы люди не могли заподозрить, что у него вовсе нет зубов, и чтобы никому не надо было» напрягать слух, стараясь понять его речь.

Приведу несколько примеров, показывающих, насколько глубоким было его отношение к слову. Так, когда дело касалось духовных вопросов, он никогда не пользовался современными переводами Священного Писания. Мы и по сей день употребляем в нашем монастыре Библию короля Иакова, в которой хотя и есть ошибки, и притом немалые, свойственные протестантскому пониманию Писания, но перевод, который все же был сделан людьми, благоговейно относящимися к слову, и который поэтому получился необычайно добротным. Как-то я прочел отцу Софронию отрывок из нового современного перевода Библии и спросил, каково его мнение. Он ответил: «Напоминает газетную информацию». Хотя то, что я ему прочел, было одним из лучших общепринятых научных переводов. Возможно, что такие переводы в чем-то даже более верны, но они не годятся для богослужебного и молитвенного чтения. Почему?

Человек выражает себя в слове, и сейчас языки меняются потому, что меняется человек. Я более-менее знаю шесть языков и могу сказать о такой тенденции в каждом из них. Современная версия любого из языков отличается своей сухостью и холодностью. Языки становятся весьма информативными и, может быть, грамматически более правильными, но и какими-то стерильными, бездушными, лишенными теплоты и глубины. Говорю это про языки, которыми владею, но не знаю, как дело обстоит, скажем, с китайским. Хотя не удивлюсь таким же переменам и в нем, потому что развитие человечества в истории — это все большее усугубление нашего падшего состояния. Чем глубже смотришь в века, тем больше убеждаешься, что раньше человек был гораздо более верующим в Бога, вера была естественным состоянием.

Во времена Авраама все были верующими, каждый по-своему, но верующими. Посмотрите на времена Христа, и вы увидите, что некий военный офицер, римский сотник, не только оценил Христа, но и принял Его сердцем. Он пригласил Его в свой дом с

такой верой, что Христос сказал: *«И в Израиле, Моем народе, происшедшим от верного Авраама, не нашел Я такой веры»*. А ведь вера естественна для человека. Или посмотрите, как апостол Павел перед языческими правителями говорит о свете, осиявшем его, и о голосе с небес, который он слышал. Кто из вас сейчас стал бы говорить о своих видениях президенту? Во времена пророка Давида только глупец мог сказать в своем сердце: *«Бога нет»*, и его, наверно, сразу бы изолировали. Но с годами таких глупцов становилось все больше и больше, и теперь уже мы, верующие в Бога, считаемся безумными. Т. е. эволюция человечества в истории - это эволюция падения, и этот процесс непременно отражается в языке.

Современные языки аналитичны, правильны, безупречны, но безжизненны. Читаешь Писание на древнем языке, иногда даже не все понимая, но всегда чувствуешь его дух. Или возьмите Апокалипсис Иоанна, где вообще ничего нельзя понять. (А может быть, нам и не надо все сразу понимать, так как мы поймем Откровение лишь со временем.) Вдохновение, которое касается тебя при чтении Библии, привлекает тебя все к большему чтению и пониманию прочитанного. Смысл открывается постепенно. В мире происходит все больше и больше таких событий, о которых в Библии говорится прикровенно. Удивительно, что такая книга, как Откровение Иоанна Богослова, вошла и остается среди прочих канонических книг Священного Писания. Она была принята людьми, причастными божественного пророческого духа, которые и отличили ее от нездоровых произведений того времени. Понимаешь ты ее или нет, не смущайся, попробуй читать эту книгу. Когда тебе тяжело, читай 21-ю и 22-ю главы, и ты найдешь утешение, они вознесут тебя на высоту из глубины твоего ада. Таково действие слов Писания.

Человек выражает себя в слове, и слово его отражает состояний, в котором он находится. Почему древние языки теплее и духовнее современных? Да потому, что человек тогда умел молиться, а теперь он изобрел компьютер. И нынешнее слово есть слово компьютерное. Святой Силуан говорил, что не должно разговаривать с животными, как с человеком, а мы теперь разговариваем не то что с животными, но с бездушными вещами. Существует несколько языков (Бейсик, Фортран, Паскаль и другие), с помощью которых человек общается с электроникой. И, конечно, все это, как вы сами видите, отражается в повседневной речи любого человека. При этом человек думает, что он стал более творческим, не понимая, что на самом деле все более погружается во мрак. Слово теряет свою пророческую силу, хотя слова остаются вроде все те же. Однако употреблять слово вне его пророческого значения есть своего рода хула.

Адам, пребывая в раю, общался с Богом без слов, вернее, мысль тогда была почти то же самое, что высказанное слово. Пребывание с Богом включает в себя и слышание, и беседу, и многие другие виды общения с Ним. Древние языки гораздо более емкие, чем современные. Так, чтобы выразить общение с Богом, разговор с Ним, слышание Его, видение и так далее, достаточно было сказать, что Адам *слышал Бога, ходяща в рай*, и для человека с тем менталитетом было понятно, что речь идет о полноте богообщения, а совсем не то, что Бог «гулял» по райскому саду, как мы понимаем это сейчас. Слово «ходить» теперь означает передвигаться своими ногами, шаг за шагом. Даже современная грамматика стала другой, более упрощенной, многое просто утеряно, так как для нас древние формы кажутся слишком сложными. Но вместе с этим теряется и богатство языка, он становится рациональным.

Взять хотя бы французский язык, который изначально был создан искусственно и академично. В детстве преподаватель французского языка говорил нам, что пока этот

язык был языком дипломатов, то всякие недопонимания были исключены, потому что каждое слово имело единственное; строго определенное значение. Сейчас общераспространен язык английский, в котором каждое слово имеет несколько значений, и потому случается много всяких недоразумений. В английском языке широкое поле для всевозможной игры слов и двусмысленных выражений. Этим умело пользовался Уинстон Черчилль, оставивший после себя немало крылатых выражений. Возможно, для политики французский язык является самым лучшим языком, но для духовных целей, как чересчур ограниченный, он совершенно не подходит. У него «нет средств для выражения понятий православной аскетической жизни, и потому французский перевод Библии — это всего лишь перифраз. Многие люди приходят к нам в монастырь, и мне, когда я жил здесь, приходилось общаться с ними на французском языке, и тогда я не раз замечал, что передать какие-то духовные понятия на этом языке было гораздо труднее, чем на английском, а на английском труднее, чем на греческом или славянском.

Дошедший до нас славянский язык, насколько я понимаю, создали себе не славяне, выучившие греческий, но святые Кирилл и Мефодий, два грека, которые прочувствовали и освятили своей святой жизнью каждое слово и выразили на этом прекрасно освоенном ими языке богатейший духовный опыт, которым владели. Т. е. они не только перевели на уже существовавший славянский язык духовную литературу, но и наполнили его необыкновенно благодатной атмосферой, так что на этом языке стало возможно передавать с чрезвычайной ясностью самые глубокие духовные понятия. Если на греческом языке будет утеряна вся аскетическая литература, то можно будет взять ее на славянском и перевести почти дословно. «Почти дословно», потому что все-таки у каждого языка свой особенный дух и своя манера выражения, и потому греческий и славянский языки тоже различны. Слыша богослужение на этих языках у нас в монастыре, я всегда чувствовал, что греческий для меня — словно язык отца, а славянский — язык матери. Славянский очень часто выражает сердечное чувство, а греческий — мысль. Но, конечно, мысли эти не сухие и философские, а рожденные избытком сердечной жизни, так же как и выраженные на славянском языке чувства — это не отсутствие мыслей, но сердцем переживаемые мысли. В этом и заключается вся суть великой духовной культуры «Добротолюбия» — стяжание единства ума и сердца. В славянском языке делается акцент на сердце, в греческом — на ум. Взять, например, слово «ακηδία», которое переводится на славянский как «уныние», т. е. относится к сердечному чувству, а на греческом понимается как беззаботность о своем спасении. Или слово «κατακλις» на славянский переведено как «умиление». Слово «μάρτυς» переведено как «мученик», а по-гречески — «свидетель». Не просто тот, кто почему-либо мучается, но мученик за свое свидетельство — это по-славянски, но и по-гречески — это не просто некий свидетель на суде, но свидетель, чье сердце преисполнено жизнью и который желает поделиться ею со всем миром.

То же самое я замечаю и в церковном пении, славянском и византийском, которые я очень люблю. Византийское пение для меня словно чистейший кристалл, а славянское — словно бархатный покров. Сегодня многие пытаются переложить славянские песнопения на византийский распев, но получается не всегда удачно, и, может быть, потому, что современный человек не живет подлинной духовной жизнью, а словно какой-то искусственной. Впрочем, мне доводилось слушать и хорошее византийское пение на славянском языке, т. е. такое сочетание возможно. Лишь бы оно, как мне кажется, не было слишком «совершенным» и потому безжизненным или, напротив, сентиментальным.